



ЕЛЕНА НОВИКОВА

СМЕРТЕЛЬНАЯ КРАСОТА



МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н73

В оформлении обложки использована фотография
© komkrit Preechachanwate / Shutterstock.com.
Используется по лицензии от Shutterstock.com.

Новикова, Елена Александровна.

Н73 Смертельная красота / Елена Новикова. — Москва :
Эксмо, 2024. — 352 с. — (О маньяках-гениях. Психологический триллер).

ISBN 978-5-04-201273-0

В городе появляется маньяк, убивающий девушек крайне изощренным способом. Он отнимает жизни при помощи скальпелей и обрамляет тела цветами, превращая убийство в особый ритуал. Возле каждой жертвы маньяк оставляет послание: фотографию, на которой девушка еще жива.

Из провинции вызывают Черного — следователя по особо важным делам. Он чувствует, что попал на нужный след. Но оказывается, убийца и следователь очень похожи друг на друга. И лишь тонкая грань отделяет охотника от его добычи...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-201273-0

© Новикова Е.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Холодно. Чертовски холодно. Ветер облизывает колени, прикрытые тонкими капроновыми колготками. Забирается под короткую юбку, нагло хватая за ягодицы. Трусики остались где-то под кроватью этого дебила Виталика! Через подошву новеньких сапожек чувствуется стылый асфальт. А еще на них — на сапожках, стоящих, между прочим, почти половину зарплаты! — отвратительная царапина.

— Как же я тебя ненавижу! Придурок! — ругается девушка, переступая с ноги на ногу.

Это все Виталик! Швырнул правый сапог, и тот зацепил его дурацкий велосипед. Кто вообще держит велосипед в прихожей? Сапожок задел какую-то детальку и опрокинул чертов велик. А Виталик разорался еще громче.

— Да за что?! — облачко пара вырывается изо рта вместе с ругательством.

Конечно, вернуть теперь эти сапоги в магазин не получится. Можно выбрасывать чек. Ей жаль обновку. Но еще больше жаль себя.

Это ж надо было так обломаться! Нашла в кого влюбиться — спортсмен, красавчик с подтянутой попкой, густыми черными волосами и загадочным взглядом из-под полуопущенных век. Все девчонки на курсе текут от Виталика, и она тоже. О, как она была горда собой, когда Виталик пал к ее ногам! «Выкусили, неудачницы?» — с таким выражением

лица она ходила по коридорам универа, по кафешкам, по всем этим вечеринкам.

До вчерашнего дня. Вырядилась и поперлась к нему. Нет, сначала все было прекрасно, Виталик разорился на вино и суши. Музыка — какой-то нудный блюз, от которого сводит зевотой скулы. Разговоры, никак не переходящие в любовное воркование. Ночь, слишком быстро опускающаяся на город и заставляющая зажигаться окна домов. Она быстро взяла инициативу в свои руки. Для них это не было первым разом, но было первым разом у него дома. Она была вынуждена признать, что каким бы уродом Виталик ни оказался, пользоваться собственным накачанным телом он определенно умеет.

А вот утром — всего полчаса назад! — началось.

Ей хотелось поваляться в постельке. В ногах все еще ощущалась приятная слабость. Да и вообще, какого черта вставать в семь утра, если пары только после обеда? Но он буквально вышвырнул ее из постели.

— Мне надо уходить.

— Куда?

Она потянулась к нему с поцелуем, но Виталик, уже умытый и одетый, отстранился, брезгливо скривив губы.

— У меня тренировка. Вставай.

— Давай ты пойдешь на свою тренировку, а я пока посплю? Потом встречу тебя.

Она игриво прикусила нижнюю губу, положив руку ему на бедро.

— Вставай!

Ее пальчики, будто паучок, перебрались к его паху. Виталик со злостью перехватил ее запястье, явно наслаждаясь своей силой, и посмотрел прямо в глаза девушке, открывшей рот в тихом вскрике.

— Что ты делаешь? Больно!

Она вырвала руку. Виталик сдернул одеяло, обнажив ее. Внезапно ей стало неуютно под тяжелым взглядом этих

почти черных глаз. Угрюмое лицо мужчины, с которым она провела ночь и которого вроде бы любила, напугало.

— Одевайся и вали! Я не собираюсь оставлять тебя в своей квартире, ясно? И возьми уже жвачку, от тебя несет перегаром.

Каждое слово ей будто давало пощечину. Давясь слезами, она натянула колготки, так и не найдя трусики. Дрожащими пальцами застегнула пуговицы на блузке. И задом наперед влезла в юбку.

— Ну ты и урод, — тихо сказала она.

Он ничего не ответил, схватил ее сапог и швырнул. Потом загрохотал велосипед. Виталик снова заорал, но уже с таким матом, какого ей еще не доводилось слышать. Он был взбешен. Его ладони, еще несколько часов назад ласкавшие ее тело, теперь сжались в кулаки. Страх заставил девушку схватить обувь и броситься из квартиры прочь. Колготкам тоже пришел конец.

На первом этаже она обулась и вышла на улицу. Апрель только-только начинался. Темнота и свежий, чуть морозный воздух. В первые минуты ей понравилось, как ветер остужает пылающие щеки и не дает слезам победить.

Только когда показалась впереди автобусная остановка, девушка застыла на месте. Какой-то мужчина, шедший за ней, неодобрительно хмыкнул и обошел ее. Потом прошли две женщины. Мамаша тянула за руку сонного малыша в забавном комбинезоне с длинными заячьими ушками.

Сумочка осталась на журнальном столике в квартире Виталика. Телефон, кошелек, ключи, помада, тушь, пара тампонов, салфетки, какая-то необходимая мелочовка — все это осталось там. Она огляделась, будто это могло помочь хоть чем-то. Вернуться обратно? Во-первых, это страшно. Во-вторых, Виталик, скорее всего, свалил уже на свою тренировку. В-третьих, пусть, козел, сам все принесет и попросит прощения!

И вот она стоит на проклятой остановке уже полчаса. Лезть в автобус и ехать зайцем ей не хочется. Позора не оберешься, если спалят. Один таксист, остановившись рядом, сразу предлагает отвезти куда угодно за отсос. Она ругается на предложение, от души хлопая дверью.

— Ну и морозь ляжки, — лениво отвечает таксист и уезжает.

На нее неодобрительно смотрят пенсионерки, кучкой стоящие рядом. На их лицах написано все, что они думают, но и вслух бабки обсуждают девушку с ног до головы, ничуть не стесняясь. А ей хочется плакать и курить.

Пальцы на ногах замерзли до такой степени, что она их не чувствует. Коленки трясутся, крупная дрожь прокатывается по телу. Ее короткая ярко-красная курточка никак не подходит для долгого пребывания на улице. Стуча от холода зубами, она обнимает себя за плечи. Небо светлеет и морозец чуть усиливается перед рассветом.

«Плевать, — думает она. — Пойду пешком. Иначе я здесь просто сдохну».

Девушка успевает сделать только шагок в сторону от остановки, когда рядом тормозит серая иномарка.

— С вами все в порядке? — озабоченно спрашивает водитель. — Может быть, нужна помощь?

Она неуверенно улыбается, насколько позволяют застывшие мышцы. «Отсос так отсос», — проносится у нее в голове.

— Вы совсем замерзли. Давайте я печку включу.

В теплом салоне машины дрожь колотит ее сильнее. По пальцам ног и рук бегут колючие мурашки. Слезы, вмиг оттаяв, начинают литься рекой.

— Держите салфеточку, — протягивает ей водитель вынутую из бардачка упаковку. — Не плачьте, все наладится. Разве у такой красивой девушки могут быть непоправимые проблемы?.. Как вас зовут?

— Алина.

— Очень красивое имя — Алина. Поедем?

Серая иномарка отъезжает от остановки и вливается в утренний плотный поток тех, кто спешит по делам.

• • • • •

Если бы адреналин можно было увидеть и почувствовать, то здесь и сейчас ничего, кроме адреналина, не было бы видно. Разве что небольшие вкрапления страха, негодования и раздражения.

— Я не понимаю, какого рожна вы сюда приперлись? — шипит старший оперативник, подполковник Шабанов.

Полицейский не поворачивает в сторону следователя головы.

Этот надутый, вечно хмурый длинный тип его раздражает. В присутствии этого следака Шабанов чувствует себя мальчишкой, неделю назад пришедшим на службу. И это ему не нравится. Не нравится и то, что Николай Дмитриевич Черный, следователь по особо важным делам Главного Следственного комитета, вечно суется в работу оперов.

— Хотите что-то предъявить? — таким же шепотом спрашивает Черный.

— Тут стреляют иногда. Не бойтесь, что вам отстрелят голову?

— У Колдыря нет оружия. Вы сами это сказали.

— Ну, не пристрелят, так просто прилетит. Тут, знаете ли, не бумажная работа.

— Я знаю, — кивает Николай. — Внизу страхуют?

Шабанов не отвечает. Желваки на его скулах отчетливо проступают. И, кажется, слышно, как он скрипит зубами от злости. Чертов следак! «Что ж, ты сам нарвался», — думает Шабанов.

— Погнали, пацаны! — отдает он распоряжение.

Черный что-то говорит про то, что Колдыря надо брать живым и, по возможности, без травм. «Да-да, "по возможно-

сти"», — мысленно соглашается Шабанов, по его губам скользит кровожадная улыбка. Со следователем он больше разговаривать не намеревается. Если тому приспичило посмотреть, как работают настоящие мужики, то пусть смотрит.

Хотя, если разобраться, то именно Черный привел их сюда, в полурасселенный дом на окраине. Колдыря искали не один месяц по всей стране и даже в ближайшем зарубежье. На его счету несколько трупов, изнасилование, грабеж и попытка угона.

Колдырь на пару со своим подельником с двумя бейсбольными битами ворвались в ювелирный салон прошлым летом. Внутри оказались продавщица, охранник и двое будущих молодоженов, выбиравших кольца. Почти праздничное настроение, помноженное на прекрасный теплый день, умытый дождем. Тихая классическая музыка, на которой настоял хозяин салона. Но безмятежность и волнующее предчувствие торжества были разбиты. Колдырь без лишних слов, широко замахнувшись, ударил охранника, который только успел повернуться на мелодичный перезвон дверного колокольчика, по голове. От удара череп треснул с влажным звуком.

— Хэк!

Колдырь еще выдыхал, а охранник уже падал к его ногам.

Женский крик перебил музыку. Молодой человек инстинктивно схватил свою избранницу и притянул к себе.

— Бей! — приказал Колдырь своему менее расторопному приятелю.

Тот подскочил к парню и замахнулся. Но ударить не успел — молодой человек перехватил биты и принялся отчаянно сопротивляться. Продавщица, чуть поскользнувшись на лужице у своих ног, бросилась к тревожной кнопке за прилавком.

— Стоять!

Бита Колдыря разбила витрину, и она осыпала продавщицу осколками.

Девушка продолжала визжать, зажимая уши руками. Страх настолько парализовал ее, что она не могла сдвинуться с места. Безумными глазами она глядела на мертвого охранника, под которым натекла багровая липкая лужа крови.

Колдырь не успел чуть-чуть — женщина нажала на кнопку вызова вневедомственной охраны. Рассвирепев, преступник перегнулся через прилавок и схватил ее за блузку.

— Не надо! Пожалуйста, не надо! Они уже едут сюда! — просила продавщица, чувствуя, как по ногам что-то течет.

— Ах, ты!.. — Колдырь резко ткнул свою жертву лицом в витрину, ломая ей нос. — Хэк!

Он отпихнул окровавленную женщину, чтобы появилось побольше пространства для замаха. Бита описала полукруг и, сломав выставленное запястье, обрушилась на голову продавщице. Та упала, согнув колени.

Вошедший в раж от запаха и вида крови Колдырь во мгновение ока подскочил к напарнику. Покупатель почти вырвал из его рук битку, когда его свалил мощный удар. Колдырь тумачком отправил подельника собирать украшения.

— Иди, ущербный, хоть че-то сделай... Быстрее! Щаменты приедут!

— Ага, — кивнул тот и бросился выполнять приказ.

— Заткнись! — Колдырь вlepил оставшейся в живых пощечину.

Девка заткнулась, будто он выключил в ней что-то. Она просто остолбенела, как манекен в торговом центре. Колдырь, поглядывая в окно салона, вытащил из кобуры охранника пистолет. Со знанием дела повертел его в руках и сунул себе за пояс.

Где-то вдалеке послышался вой сирен. Колдырь сплюнул.

— Валим!

— А эта? — подельник показал подбородком на девушку.

Колдырь ослабил и схватил ее за руку.

Они ушли за минуту до появления на месте вневедомственной охраны. Сбыли часть цацек в тот же вечер. И почти неделю тихарили на какой-то хате, бухая, покуривая и бесконечно насилуя безучастную ко всему пленницу.

Ее так и найдут в этой квартире голой, грязной и почти не дышащей.

В первый раз Колдырь погорел на бухле. Он послал подельника добыть еще водки и закуски. Денег не было, но были колечки и цепочки. Через них оперативники и вышли на лежбище подонков.

— Лежать мордой в пол! — скомандовал капитан Арсентьев, врываясь на блат-хату.

Пуля угодила ему в живот и, разворотив желудок, застряла в позвоночнике. Колдырь улыбнулся — удача на его стороне. Только взялся наконец поиграть с пестиком, а тут и мент нарисовался! Вторым выстрелом он прикончил своего подельника.

— Привел, падаль!

Не раздумывая, Колдырь опрометью бросился к черному ходу. За спиной звучали мат, выстрелы, крики боли и проклятия. Он несся вперед, отстреливаясь и петляя.

Сейчас его вычислил Черный. После стольких месяцев поиска, когда надежд поднять дело не осталось, за него взялся Николай Дмитриевич. Колдырь никуда не уехал из города. Он гасится на квартире женщины, писавшей ему в тюрьму письма. Халупа на окраине — самое подходящее место, чтобы отсидеться. А баба эта рада-радешенька, что хоть кто-то позарился на ее рябую физиономию.

— Погнали, пацаны!

Дверь с треском вваливается внутрь квартиры, поднимая облачка пыли. Грохот еще не стих, а внутрь уже влетают бойцы спецназа. Маленькая квартирка уменьшается еще больше. Колдыря, сидящего в кресле перед телевизором, валят на пол.

— Контроль!

Шабанов кидается к задержанному. Приподнимает его за футболку и молча принимается бить его по лицу кулаками. Спецназовцы, закованные в бронежилеты, в черных балаклавах и касках, стеной возвышаются рядом.

— Хватит! Перестаньте! — кричит Черный, перехватывая руку Шабанова.

Сбитые костяшки пальцев деревенеют от напряжения. Колдырь что-то мычит разбитым в кашу ртом.

— Не лезь! — рычит оперативник.

— Хватит! — повторяет Черный. — Он задержан. Все.

— Иди скажи это Серegiной жене! Этот падла моего парня убил, девку покалечил, еще жмуров после себя оставил! Я его собственными руками — на лоскуты!

Шабанов дергает руку, пытаясь высвободиться из захвата.

— Он задержан, и теперь им займутся следствие и суд.

Следователь и полицейский смотрят друг другу в глаза. Чувствуя, что оперативник успокаивается, Николай разжимает пальцы.

— Он ответит за все, — обещает Черный.

•••••

Аромат пряностей поднимается от разогретого сотейника, где в раскаленной смеси масел кипят мелконарезанные травы со щепоткой соли, перца и сахара.

— Пап, зачем?

Олеся сидит на стуле и с неподдельным интересом смотрит на отца.

— Что «зачем»? — переспрашивает Сергей Алексеевич.

— Ну, ты туда зачем сахар насыпал? Теперь выкидывать?

— Балда ты, Леська! — по-доброму улыбается мужчина. — Сахар — это такая же приправа. Будет вкусно так, что за уши не оттянуть.

Сергей Алексеевич чуткими пальцами прощупывает, будто массируя, кусок свежайшей вырезки, за которой рано утром ездил на «колхозный» рынок. Мясо молодой коровки — нежно-розовое, чем-то похоже на мякоть недозрелого арбуза. Повертев вырезку, мужчина, наконец, укладывает ее на разделочную доску. Лезвие широкого ножа легко отделяет тонкий кусочек.

— Боже! Сережа! Даже в подъезде пахнет! — доносится из прихожей голос Натальи. — К нам все соседи сбегутся!

— А мы их не пустим, да, пап?

В кухню вбегает Павлик, хватая со стола ломтик нарезанного болгарского перца и тут же убегает.

Нарезанное мясо соскальзывает в сотейник. Масло сердито начинает шипеть и брызгаться, но повара это не смущает. Будто не чувствуя горячих капель, попавших на руки, Сергей Алексеевич деревянной лопаткой перемешивает говядину, давая ей пропитаться.

— По какому поводу у нас пир? — спрашивает Наталья и чмокает мужа в щеку.

— Повод у нас есть, — улыбается Сергей Алексеевич.

— Тебе одобрили перевод?

— Все еще нет. Ой!

Отвлечшись на разговор, он нечаянно прикасается к краю раскаленного сотейника. Духа на обожженный палец, Сергей Алексеевич накрывает сотейник стеклянной крышкой, и она тут же запотевает.

Павлик, успевший переодеться в домашнее, влетает в кухню, как маленький ураган.

— Пап! Меня сегодня тренер похвалил, сказал, что у меня удар сильный.

— Молодец, сын! Горжусь.

Сергей Алексеевич протягивает ребенку руку, сжатую в кулак. Павлик радостно стучает кулак отца своим кулачком.

— А еще он всем мальчишкам рассказывает истории про трупы. Это тренер уже сам мне сказал, — вздыхает Наталья.

— И че? — пожимает плечами Леся. — Я девкам тоже рассказываю.

— В этом-то и проблема.

Наталья устало опускается на табурет.

— Почему проблема?

Сергей Алексеевич снимает крышку с кастрюли, где кипит вода, и высыпает туда длинный коричневый рис.

— Потому что, любовь моя, это совсем неподходящая тема для детских разговоров.

— Почему?

Помешав крупу в кипятке, он закрывает крышку и поворачивается к жене.

— Потому что дети должны обсуждать мультики, звезд, школу...

— И кто чей краш, — хихикает Олеся.

— И кто чей кринж, — в тон ей усмехается Сергей Алексеевич.

— Ну ты-то куда? Сережа, я пытаюсь поговорить с тобой по-взрослому! Может быть, не стоит рассказывать им про свою работу?

— А что в ней плохого? Я судебно-медицинский эксперт с приличным стажем и кое-каким именем в нашей среде. Я люблю свою работу и умею делать ее хорошо. В конце концов, я потратил на обучение почти десять лет.

— Они дети, — возражает Наталья.

— И они тоже когда-нибудь умрут. Как все. Смерть — это нормальное явление, табуированное по непонятным причинам, но вполне естественное. Если бы люди не умирали, то наш шарик переполнился бы какими-нибудь австралопитеками, и они бы принялись друг друга жрать!

Сергей Алексеевич корчит страшное лицо и резко шагает к сыну, тянущему из миски очередной кусочек перца.